

ПАВЕЛ ЛАВРИНЕЦ

ДРЕВНЯЯ ЛИТВА
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
МЕЖВОЕННОГО
ПЕРИОДА

СТАРЫЕ МОТИВЫ В НОВОМ ВЕКЕ

Художественные произведения на литовскую тему в русской литературе, благодаря приобретенной литературой на протяжении XVIII–XIX вв. функции нормативной и ценностной системы поведенческой регуляции, моделировали, в частности, варианты исторической преемственности, исторической и национальной (само)идентификации, отношений русских к Литве и ее истории. В российской историографии XIX в. католическое крещение Литвы и в особенности Люблинская уния трактовались как поглощение Литвы Польшей, повлекшее исчезновение национальной самобытности. Из этого вытекало представление о том, что России в результате разделов Речи Посполитой (как правило, называемых разделами Польши) достались земли с исчезнувшим народом – объектом ретроспективного дискурса. Персонажами художественных произведений стали древние литовцы; современные литовцы, их быт, нравы, народная культура со временем оказались предметом преимущественно этнографических ученых описаний. Изображение древней Литвы и литовцев в русской литературе имело давнюю традицию (Сидеравичюс 1983; Сидеравичюс 1998: 163–164), подчинялось определенным закономерностям и конструировалось ограниченным набором компонентов (Лавринец 2008б; Лавринец 2011б). Они же использовались в художественных произведениях на литовскую тему начала XX в., до Первой мировой войны, революции в России и становления независимых балтийских государств.

Примерами могут быть переизданная с поправками и дополнениями в 1902 г. драма А. А. Навроцкого *Крещение Литвы* (1874), вышедшая в Вильно поэма М. Липкина *Ягайло* (1905), повести С. Р. Минцлова *В лесах Литвы* (1905) и *На крестах* (1906), переизданные в одной книге под общим заглавием *Литва* (1911) (подробнее об этих произведениях: Лавринец 2009б), переизданный в 1910 г. роман Г. А. Хрущева-Сокольников *Грюнвальдский бой, или Славяне и немцы* (1889; подробнее: Сидеравичюс 1994; Лавринец 2008в), «бывальщина» А. А. Коринфского *Ягелло и Витовт*, включенная в его книгу стихотворений

1908–1911 гг. *Поздние огни* (1912). Например, поэма Липкина насыщена реалиями языческой культуры, с фантастическими сведениями в примечаниях о том, что кумыс был любимым питьем литовцев («что доказывает их восточное происхождение»), что литовцы «на манер краснокожих американцев убивали старух и стариков в тяжелые дни общественной жизни» (Липкин 1905: 3, 8). В повестях Минцлова сходными средствами описан экзотичный быт Литвы XIV в. с особой социальной структурой, разветвленной специализацией жрецов, языческой культурой с богатым пантеоном и своеобразными поверьями, праздниками, обрядами. Нравам и простоте чувств высоких белокурых литовцев соответствует патриархальный образ жизни в непроходимых лесах: они охотятся и воюют с внешними врагами, обитают в деревянных *нумах* на сваях, под аккомпанемент *канклис* поют песни, пьют *алиус* («медвяное пиво») из рогов и т. п. Помимо экзотичности, язычества, близости к природе литовцам приписывались неприятие католической веры и склонность к православию; они противопоставлялись немцам и полякам, сближаясь с русскими общими интересами и даже единством происхождения.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НЕЗАВИСИМОСТЬ И БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАВИСИМОСТИ

Новый социально-исторический и политический контекст образования литовского государства актуализировал сюжеты средневековой литовской истории, романтизированные образы государственных и военных деятелей Великого княжества Литовского (ВКЛ), экзотику языческой культуры. Симптоматичным полагается конструирование образа древней Литвы и персонажей литовцев в наиболее крупных произведениях с присутствием названных компонентов – в книгах стихов *Летува золотое имя* Е. Л. Шкляра и *Северное Сияние. Стихи о Литве и Руси* К. Д. Бальмонта, романах *Гений Мира* Л. Кормчего и *Орлиный взлет* С. Р. Минцлова.

Представляется закономерным то, что к литовской теме обратились поэты и прозаики, жившие в балтийских странах и связанные с Литвой реальной или мистифицированной биографией и практическими интересами. Уроженец Екатеринослава Шкляр, живя в Литве с 1920 г. и последовательно выступая в роли певца Литвы, из прагматических соображений подчеркивал свое мнимое литовское происхождение (Лавринiec 2003: 18–26). Своим мифическим литовским родословием Бальмонт обосновывал интерес к Литве и ее культуре; как известно,

он с 1899 г. был знаком с Ю. Балтрушайтисом и в сборниках *Жар-Птица* (1907) и *Птицы в воздухе* (1908) поместил первые стихотворения по мотивам литовских дайн (Мержвинските 1991; Vidugirytė 2005: 45).

Журналист и писатель Л. Ю. Король-Пурашевича (настоящая фамилия Пирагис), известный под одним из многочисленных псевдонимов *Л. Кормчий*, жил в Латвии с 1920 г. Его обращение к литовской теме вызвано не столько тем, что его отец и дед – уроженцы Вильно (Хеллман 2013: 22), сколько знакомством с В. Ф. Бутлером. Сын литовца, сосланного за причастность к восстанию 1863 г., Владимир Бутлер (Владас Бутлерис) в конце 1920-х гг. занялся литературным трудом (Viliūnas 1992: 87–88; Мержвинская 1998; Лавринец 1999: 97–99; Glinskis 2001) и перебрался в Ригу, где основал издательство «специально для того, чтобы издавать самого себя» (Абызов 2006: 210). Помимо собственных романов Бутлер выпустил в своем издательстве «Школа жизни», в частности, *Литовские народные сказки* в переводе Ф. И. Шуравина и с предисловием К. Д. Бальмонта (1931). Продукция «Школы жизни» предназначалась в первую очередь для Литвы, поскольку Бутлер стремился «внести свою посильную лепту в дело строительства жизни моей обновленной Родины» (Бутлер 1931). Кормчий заслуженно пользовался репутацией автора бульварных пасквилей и сенсационных романов, «авантюриста и пройдохи» (Бадин 2008: 90; см. также: Абызов, Тименчик 1990), беспринципного журналиста (Фейгмане 2000: 148). Своим романом о далеком прошлом литовцев *Гений Мира* (1931) он откликнулся на запрос на литовскую тему и стремление Бутлера служить родине: издателю, как явствует из предисловия к «роману-легенде», импонило изображение «страны предков» как «колыбели великого духом и чистого сердцем народа, чуждого лжи, лицемерия и злобы» (подробнее: Лавринец 2012: 127–129).

Корни родословного древа Минцлова «уходят в древнюю Литву», как утверждают (Ракитянский 2003: 25; Ракитянский 2004: 222) вслед за самим писателем, который возводил свой род к предкам «литовского происхождения, из племени пруссов», павшим в «великой Грюнвальденской битве» (Минцлов 1913: V). Окончив в Москве военное училище, Минцлов начал службу в квартировавшем в Вильне Уфимском полку. Уже тогда «его манила Литва – ее старина, памятники, природа, легенды, ее история и быт», объяснение чему находилось в том, что Литва «для него была родиной, – там надо искать корни его генеалогического дерева»; писатель « всю жизнь изучал ее, исколесив край пешком вдоль и поперек » (Пильский 1933а). Знакомство с краем, начатое во время службы в Вильне, продолжилось в пору службы на таможне в Кретинге. Работы там было немного, что позволило Минцлову отдалиться «ознакомлению с интересующими

его особенностями Литвы и ее прошлого и народа», раскопкам курганов, собиранию предметов старины (Бутлер 1932).

Исторические повести о временах Кейстута, Ягайлы и борьбы с крестоносцами *В лесах Литвы* и *На крестах* Минцлов переиздал в Риге под названием *Лесная быль* (1927). В переизданной в Риге в 1928 г. повести *Беглецы* (1901) «поход совершается из Литвы через Неман, и устами своих юных героев автор рассказывает о Гедемине, зарождении Вильны, старых замках, осиротевших Старых Троках, польских обычаях, перешедших в Литву» (Пильский 1933б).

Замысел нового романа на литовскую тему возник в Год Витаутаса Великого, каковым был объявлен 1930 г., в связи с 500-летием смерти князя. Кампания прославления князя Витаутаса, нацеленная на консолидацию нации, утвердила его культ и представления о его правлении как кульминационной эпохе в истории литовцев и ВКЛ (Viliūnas 1990; Mačiulis 2001); кампания вызвала поток специфической историко-публицистической литературы (*vytautinė literatūra*; см.: Viliūnas 1992: 54). В разгар кампании Минцлов посетил Литву и присутствовал на торжествах юбилейного года – открытии выставки сельского хозяйства и промышленности, посвященной юбилею Витаутаса, постановке мистерии Л. Гирь *Земля Витаутаса* и Празднике песни. Поездка объяснялась подготовкой романа о временах Витаутаса (Škliaras 1930; Paleckis 1930); юбилейная атмосфера формировали образ героя будущего романа. Опубликованные в газете *Сегодня* в июле – августе путевые очерки, затрагивавшие давнее и недавнее прошлое Литвы (Тамарович 2005: 387–390), Минцлов включил в книгу *Мистические вечера* (1931), добавив к ним мемуарные очерки о службе на таможне в Кретинге.

В ноябре 1930 г. был объявлен конкурс на лучший роман, повесть или поэму о Витаутасе Великом (отдельно проводился конкурс драматических произведений). Жюри в марте 1932 г. ни одному из пяти представленных произведений премии не присудило, но поэму *Подвиги Витаутаса* С. Лауцяуса-Лауцявичюса и романы *Перепутья* А. Видуолиса и *Песня о соколе* Минцлова сочло достойными быть изданными на средства Комитета Витаутаса Великого, с выплатой гонораров авторам (Išspreštas V. D. komiteto literatūros konkursas; Vytauto Didžiojo literatūrinio konkurso daviniai). Роман Минцлова вышел на литовском языке под названием *Daina apie sakalą* (*Песня о соколе*). Название роману дал эпизод, в котором литовские жрецы, переодетые певцами *брутаниками*, на пиру в мариенбургском замке поют песню о соколе, иносказательно укоряя Витовта в том, что он в тяжкую для родной земли годину бросил беззащитных соотечественников на мученья и гибель; песня побудила князя просить магистра Цольнера о прекращении похода на Жмудь. Первоначальное название казалось Минцлову

неподходящим (У С. Р. Минцлова в Бирштанах); на русском языке роман вышел в Риге во второй половине 1932 г. с названием *Орлиный взлет*.

ЛИТВА ШКЛЯРА И БАЛЬМОНТА

В стихотворениях и поэме *Летува золотое имя* (1927) Е. Л. Шкляра Литва предстает тихим лесным краем с «смиренной красотой», нередко персонифицируется в облике странницы, веками бредущей по перепутьям истории. Современная страна и ее вольнолюбивые жители хранят преемственность с мощным средневековым государством («Не погасить огня свободы / В отважных детях Гедимина!..»; Шкляр 1921). Своеобычность и историческая глубина конструируются экзотической топонимикой («край долины Свенты», «Волчий город – Ukmergė», «глушь Эжерен», «огни Эжерен», Рингува, «огоньки хлебосольных Плунгян»), знаками литовской культурной традиции («древние дайны», «солнце жмудской дайны», Перкун, «Чурланиса полотна», Майронис) в сочетании с именами легендарных и исторических князей и полководцев (Дангерут, Гештовт, Гинтовт, Монтвилл, Гедимин, Витовт, Радзивиллы, «тень сурового Шаруна») и апелляциями к величественной «седой старине», к эпохе Гедимина и Витовта (подробнее: Лавриненц 2008а: 102–107, 209–220).

Предвестием повторного обращения Бальмонта к литовской теме стала статья о литовских народных песнях (с переводами семи дайн), в которой Литва, «с ее преданиями и народными песнями», названа любимой с детства (Бальмонт 1924: 9). Увлеченность древней Литвой, обусловленная этнографическим романтизмом, приобретала новые аспекты и трансформировалась (Vidugirytė 2005: 66–68; Sakalavičiūtė 2011, 182–187).

Период наиболее интенсивной заинтересованности Литвой, выраженной в стихах, переводах, статьях о литовском фольклоре и литературе, публицистических выступлениях по Вильнюсскому вопросу, пришелся на 1928–1931 гг. Его поэтическим итогом стала книга *Северное Сияние. Стихи о Литве и Руси* (1931). Глубокий анализ созданной в книге особой картины Литвы, поэтической версии литовской истории и содержательности структуры *Северного Сияния* представлен в исследовании И. Видугирите (Vidugirytė 2005: 65–139; ср. Перов 2008). Образ Литвы складывается ограниченным набором взаимосвязанных и метонимически взаимообратимых лейтмотивных компонентов: народная песенная поэзия и хранящий язычество древний язык («Перкун еще гремит, где говорит Литва»; Бальмонт 1931: 23); государственная мощь ВКЛ, связанная с язычеством («Перкун, гремя, гремел до Золотой Орды»; Бальмонт 1931: 36), и олицетворяющие ее

князя; лес как прибежище литовского языка и язычества, вместе с тем защита от внешних врагов и влияний, свидетель и хранитель прошлого («Литовской древности заветная дубрава»; Бальмонт 1931: 45).

Величественное прошлое выступает залогом будущего: «И Гедимин, Миндовг, Ольгерд, Витовт, Кейстут / Гласят, что дни Литвы не до конца пропеты» (Бальмонт 1931: 33); «Грюнвальд Витовта – утро новых встреч» (56). В поэтической версии истории Литвы традиционны упоминания врага «германца», коварного изменника Ягайла, актуализированная Вильнюсским вопросом конфликтность польско-литовских отношений, сплетенность древней Литвы с Русью: «За то, что русскую супругу / Любил и холил Гедимин» (21), «Миндовг, что с Русью был то смелый враг, то друг» (Бальмонт 1931: 33), «Ольгерд стучал в Москву» (56). Влюбленность в Литву, ее дух, язык, природу, прошлое выражается и мотивируется близостью, родственностью, голосом крови («Родной Перун мой! Родной Перкун!»; 31).

Повторяющиеся черты литовцев в исторических романах и повестях – необычайное хлебосолюство и гостеприимство в сочетании с простодушием и граничащая с дикостью непосредственность и близость к природе. Они возникают в полемическом стихотворном выступлении в защиту прав Литвы на Вильнюс, опровергающем доводы Я. Лехоня: «А что до полудиких, я не знаю, / Кто более был дик в веках тех темных: – / Охотник пуш, простой и хлебосольный, / Или, прибывший в лес, надменный пан». Гостеприимством объясняется языковая ассимиляция и переход литовцев к польскому языку: «Гостеприимен я – и чрезвычайно, / Уступчив, я способен говорить / Тем языком, который гостю легче, / Его, а не своим <...>» (Бальмонт 1931: 48).

ГЕНИЙ МИРА КОРМЧЕГО

Первым обращением Кормчего к литовской теме можно считать рассказ «На Вилии» в петербургском журнале для детей *Всходы* (1909). В рассказе плотовщики на отдыхе близ Вильны слушают легенду о королеве Ядвиге. По версии старика плотовщика, в подземелье под Замковой горой сидит «крулева Польска», ждет, пока «слезы поляков-католиков, плачущих под чужеземным игом», покроют степени трона, тогда приплывут Ян Собеский, Баторы, Болеслав Храбры, выведут ее на Божий свет, «вера католическая победит все другие, и засияет на земле один только правдивый костел католический». Та же легенда в версии молодого парня лишается национально-конфессиональной окраски, обретая социальное

измерение: подземелье Ядвиги наполняют слезы и стоны обиженных, голодных, обездоленных бедняков (Кормчий 1909¹).

В предисловии к *Гению Мира* источником романа названо старинное предание, переходившее из поколения в поколение (Кормчий 1931: 6). В пояснениях к роману уточняется, что предание автор в детстве слышал от деда; спустя годы другой вариант той же легенды Кормчий услышал от плотовщика, уроженца Клайпеды, во время сплава леса на плотках от Вильны до Ковно в 1909 г., и поместил ее изложение в журнале *Всходы* (Кормчий 1931: 200). Однако с легендой рассказа «На Вилии» ничего общего не имеет включенный в роман сюжет о Гении Мира – золотом юноше, выкованном молниями Перкунаса и обеспечивавшем своим пребыванием мир и благоденствие, но после братоубийства уснувшим, отчего в Литву пришли беды и горе.

Временем действия романа указано «по-видимому начало XIII века». Место действия – «приморская полоса между Неманом и Вислой, заселенная сильным литовским племенем пруссов», пересказчиками легенды называемые литовцами; этого именованья автор придерживается «для сохранения общего колорита легенды». В романе повествуется, как литовский князь Жель, ненавидя войну и стремясь обеспечить своему народу мирную жизнь, создал дружину, не уступавшую вражеской дружине немецкого маркграфа, выстроил крепкий замок и добивался мира с немцами. Однако новшества и мирные намерения отдаляют от Желя народ и вызывают осуждения. Утвердить мир должна совместная охота с немцами в лесах Свентовида. На пиру в честь послов маркграфа старый *брутанник* (певец) Витол рассказал старинное предание о Гении Мира. Накануне праздника с охотой Гений Мира пробудился; его вышли приветствовать заяц, олень, лиса, кабан, медведь; звери и люди прониклись любовью и взаимопониманием; началось сооружение алтаря мира. Но приблизились немцы с враждебными замыслами, и Гений Мира заснул, обратившись в холодную золотую статую. Немцы воспользовались праздником для вероломного нападения; после тяжелых испытаний и кровавых сражений литовцы одержали победу. Жель понял, что удел Литвы – война, и княжить может «только тот, кто ставит меч выше золотой музыки мира» (Кормчий 1931: 192), предложил избрать преемником мужественного воина Махора и отправился на поиски дочери Славки: она, блуждая за очаровавшим ее Гением Мира, исчезла на волшебном острове в море – стране мира. Рыбаки Клайпеды, говорится в финале романа, слышат, как море то поет «дивную мелодию мира», то «взывает к небу тысячью голосами войны», слышат

¹ Благодарю И. С. Сочинскую, любезно предоставившую копии текста, отсутствующего в библиотеках Литвы.

«злобный клич врагов, предательски напавших на Литву», и «грозный гул народа, вставшего на защиту родной земли» (Кормчий 1931: 198–199).

В основе романа лежит квазиисторический извечный конфликт мирных и добродетельных литовцев с корыстолюбивыми, жестокими и коварными врагами. Слстолюбивые, грубые, неблагодарные и высокомерные немцы презируют литовцев. Жены кнехтов превосходят мужей злобой и жестокостью и следуют за мужьями, добывая раненых, грабя убитых; жестокость немцев иллюстрирует подробное описание казни посаженных на кол пленных литовцев. В противопоставлении немцев католиков и литовцев язычников, защищающих, помимо прочего, свою веру, сохраняется традиционное конфессиональное измерение (в других произведениях отражающее историю противостояния Ордена и Литвы), однако у Кормчего совершенно отсутствует обычный мотив цивилизационного различия. В романтической традиции первобытная чистота нравов и непосредственность чувств литовцев сочеталась с близостью природе, бедностью и простотой быта и утвари, примитивностью вооружения и одеяний. Кормчий отстпает от клише, сохранявшихся в романе Хрущова-Сокольниково *Грюнвальдский бой*, повестях Минцлова *В лесах Литвы* и *На крестах*: алюс и пакайлес на пиру в замке Желя пьют из турьих рогов, оправленных в дорогие металлы, и золотых и серебряных кубков; Славка поет под лютню, вайделот – под лиру; воины дружины Желя называются рыцарями и витязями, литовцы вооружением и доспехами не уступают немцам (у Хрущова-Сокольниково на битву с Орденом выходят вооруженные дубинами дикари).

В эпизоде с песней Славки о кровавой битве с жестокими врагами явственна традиция произведений о литовской старине, сложившаяся благодаря *Конраду Валленроду* Мицкевича и мотиву «родимой песни» в поэме Лермонтова *Литвинка*; эпизод напоминает аналогичные сцены *Крещения Литвы* Навроцкого, *Грюнвальдского боя* Хрущова-Сокольниково, в которых песня пробуждает патриотические чувства героя (подробнее: Лавринец 2009а: 64; Лавринец 2009б: 70). В образе внучки вайделота Бируты и сюжетном мотиве ее пленения узнаются черты литературных литвинок и сюжет «литовской пленницы» (см. Лавринец 2009а: 63–64; Лавринец 2009б: 62, 70–71). Портрет красавицы с волосами «золотистыми, как хлеба» (Кормчий 1931: 9) и глазами «голубыми, глубокими как небо» (Кормчий 1931: 152) напоминает «очи голубые, как лазурь», «кудри золотых ее волос» лермонтовской литвинки и «золотисто-русые косы и большие голубые глаза» героини *Грюнвальдского боя*. Характер Бируты воспроизводит литературный тип гордой свободной литвинки: захваченная в плен капитаном кнехтов Бертольдом, она в «слепом порыве самозащиты» отстояла себя, собственным

мечом Бертольда тяжело ранила его, из-за чего немцы два дня не могли штурмовать замок Желя, что и обеспечило победу литовцев.

В чертах романых литовцев повторяются характеристики древних литовцев в популярных историографических очерках и литературных произведениях. Например, литовцы чрезвычайно гостеприимны: по обычаю хозяйка дома должна омыть ноги гостю; в угождении ему и угощении хозяева не знают пределов. Такое гостеприимство, омовение ног гостю и колокольчики, пришитые к подолу и рукавам одеяний незамужних литвинок, – яркие детали, кочующие по историческим романам и повестям о Литве, в частности, Хрущова-Сокольниковой, Минцлова. В соответствии с традиционными клише литовцы изображены наивными, доверчивыми, простодушными и вместе с тем отважными; при угрозе они полны решимости отдать жизни так, чтобы враги вспоминали с трепетом, а «брутаники сложили бы песни» (Кормчий 1931: 132). Общие черты литовцев – любовь к родине и преданность своему народу, объединяющие кунигаса Желя, старого вайделота Шимейту, остроумного и смелого бродягу Миклоса. Поверхностно-апологический характер *Гения Мира* с внешним «литовским» антуражем выражен четким противопоставлением добродетельных *своих* героев порочным *чужим*, терпящим назидательное поражение.

В «романе-легенде» использован обычный для произведений о литовской старине набор клише: специфически «литовская» сюжетная и характерологическая топка, экзотичность непривычных имен и топонимов (часть которых явно не балтского происхождения), странных обычаев и обрядов, деталей быта (напитки *алюс* и *пакайлес*, жилище *нумай* и т. п.), социальной структуры. В последней, помимо князя *кунигаса* и старосты *виришайтоса*, большую роль играют жрецы *креве*, *вайделоты*, *вайделотки*, *тилиссоны* с четко разграниченными функциями. Определяющей чертой литовской жизни выступает язычество с многочисленным жреческим сословием, множеством божеств, необычными верованиями и обрядами. Текст насыщен описаниями и упоминаниями каменных изваяний языческой троицы (громовержца Перкунаса, бога плодородия Потримпоса, повелителя преисподней Поклюса), священных дубов, рощ, ужей и жаб, капища Перкунаса, божеств (создатель всего Оккапирмас, всесильный Кавас, бог войны Курко, парки Гадютая, Нукиритая, Саргетая и многие другие); именами божеств пересыпана речь персонажей (подробнее: Лавринец 2012: 130–131). Элементы густого экзотичного реквизита толкуются в пояснениях, приложенных к книге.

ОРЛИНЫЙ ВЗЛЕТ МИНЦЛОВА

Время действия романа охватывает период между 1382 г., когда Ягайло захватил Вильну и Троки, заточил в Крево двоюродного брата Витовта, а Кейстут был по его приказу задушен (как говорится в романе), и 1392 г., когда Витовт после перипетий междоусобной борьбы стал великим князем литовским. В это десятилетие произошли отразившиеся в романе события: бегство Витовта в Гродно, где он собирал силы для отпора Ягайле, обручение его дочери Софьи с сыном Дмитрия Донского (с последовавшим сватовством Василия Дмитриевича уже в качестве великого князя московского), союз Витовта с Орденом и пребывание в Мариенбурге, брак Ягайлы и королевы польской Ядвиги и крещение Литвы.

Орлиный взлет открывается описанием прогулки княгини Анны, Софьи, приближенных боярина Семена Игнатьевича, слуги татарина Махмута и большой свиты; во время ее становится известно о вероломном захвате Вильны и пленении Кейстута и Витовта. Эпизоду освобождения Витовта из плена (гл. V) отведено меньше места, чем многодневным поискам клада Витовта в Троцком замке (гл. VII–XIV). В романе живописуются поиски матери Витовта Бейруты, увезенной жрецами и удерживаемой заложницей в потайной пещере в Жмуди, и неудачная попытка ее освобождения (гл. XXI–XXIV). Собственно исторические события, повороты политической и военно-политической истории представляются в небольших сценах и обычно в изложении персонажей. Например, читатель узнает о намерении польской шляхты женить Ягайлу на Ядвиге из подслушанного Аукасом разговора в Троцком замке (Минцлов 1932: 47–48); разведчик Витовта сообщил о договоре с поляками, по которому Ягайло женится на Ядвиге и станет королем польским, а Литвой «будут править польские паны», Ягайло «примет их веру и нас всех переведет в нее» (Минцлов 1932: 88). Витовт стал вынашивать мысль «Москву за собой поставить» (у Ягайлы «поляки теперь за спиной стоят») и мечтать о том, «кабы все русские земли с нашими слить», узнав, что его гость – московский княжич. К удаче Витовта едва ли не случайно появившийся в Гродно на пути из Орды Василий Дмитриевич влюбился в Софью. Матримониально-политические замыслы Витовт обсуждает с Анной; вместе с ней для спасения Литвы «от когтей Польши» убеждает Софью согласиться на брак с Василием (Минцлов 1932: 116–117).

Первые рецензенты справедливо отмечали, что писатель уделяет больше внимания частной жизни Витовта и его семьи, чем литовскому обществу того времени, определяя жанр произведения как историко-приключенческий роман (Merkelis 1932: 3) или приключенческий роман ситуаций (Keliuotis 1932: 725). Пейзажи и описания походов и переходов героев создают образ богатого дремучими лесами,

изобилующими зверями края, где, помимо междоусобной борьбы Ягайло и Витовта, «идет борьба богов разных вер» (Минцлов 1932: 163). Литовцы привержены язычеству; в речи персонажей нередки имена божеств («Да напустит Гадютая всех змей своих на проклятого Ягайлу!!», Минцлов 1932: 37), описываются и упоминаются «Ромове, главное капище бога Перкуна», развалины древнего капища под Троками, храм Прауримы в Поланге, потаенное капище в пещере, под которым «сам Поклюс живет». Однако язычество обречено, что утверждается рядом эпизодов (подробнее Лавриненц 2011a: 12–13). Сами жрецы понимают, что уход старых богов неизбежен и предсказанный Лездейкой «срок пребывания их на Литве» истек (Минцлов 1932: 163). Крещение Литвы, впрочем, не получает иных объяснений, кроме легендарного предсказания Лездейки и честолюбия Ягайлы, которым воспользовались поляки в стремлении подчинить себе страну.

Новая вера с «новыми жрецами» (Минцлов 1932: 203) и «новыми богами» (как названы привезенные в Вильну статуи святых для будущих костелов; Минцлов 1932: 165), чуждая литовцам – католическая религия. Православие в борьбе не участвует. Анна – родом из Смоленска, в ее «уютном покое» теплится лампадка (Минцлов 1932: 141); Витовт и Анна благословляют Софью «византийской иконой Богоматери», в обручении Софьи и Василия участвует священник (Минцлов 1932: 118); Софья дарит на память Юрию крестильный золотой крест со словами «Христос с тобой!..» (176). Такие детали не оставляют сомнений в том, что Витовт и его семья – православные, как и боярин Семен Игнатьевич, няня Маремьяна Никитишна и часть приближенных князя и княгини.

Местный колорит создается настойчивыми повторами немногих элементов быта и культуры: *алюс*, *канклис* («инструмент похожий на цитру», Минцлов 1932: 10), особого рода жилище *нумай*, «поэты Литвы» *брутаники*, жрецы *вайделоты*. Оставленные, за немногими исключениями, без пояснений, литовские экзотизмы смыкаются с обозначениями чинов и должностей феодального общества (*коморники*, *пахолки*, *подскарбий*) и другими историзмами. Перспективу прошлого литовского государства, предшествующего описываемым событиям, намечает описание зала в Трокском замке с портретами «смелого красавца Гедимины», «полного глубоких, затаенных дум» Ольгерда, «народного героя Литвы» Кейстута и их жен. Замечание о том, что все княгини, кроме Бейруты, были русские (Минцлов 1932: 46), придает браку Витовта со смолянкой характер закономерности и дополнительно обосновывает его расчет на союз с Москвой.

Временную дистанцию поддерживают сопоставления прошлого и настоящего: «роскошь того времени – изразцовая печь» (Минцлов 1932: 96), пруссы, которые «еще говорили в те времена на наречии литовского языка» (Минцлов 1932:

153). В одном случае подобная конструкция продолжена лирическим отступлением: на фундаментах языческого святилища возведен существующий поныне собор, и тот, кто «хочет побывать душой и телом в глубокой древности Литвы», должен спуститься в подземелье, где сохранился жертвенник, и «прикоснуться рукой к камню: он посылает вещие сны» (Минцлов 1932: 170). В эпилоге отступление трансформируется в историко-краеведческий комментарий к эпизоду сооружения, по вещему сну Анны и обещанию Витовта, костела Святой Анны («сперва деревянное, а впоследствии одно из прекраснейших в мире готических зданий»). Храм «до того строго хорошо», что Наполеон в 1812 г. «долго любовался им и сказал, что если бы было возможно, он поставил бы его себе на ладонь и увез бы во Францию» (Минцлов 1932: 201).

Витовт изображен сдержанным, изредка гневающимся, способным оценить чужую шутку и порадоваться своей собственной. Характер умного и предусмотрительного князя складывается из скупых штрихов, проявляющихся в различных ситуациях. Негативное отношение к Ягайле формируется портретными деталями, развитием сюжета и оценками «Иуды-предателя» (Минцлов 1932: 59) персонажами, близкими Витовту. Охота и охотничьи собаки заботят Ягайло больше судеб родины. В характере сочетаются суеверная боязнь духов и привидений, хвастливость, гневливость и жестокость; Ягайло падок на лесть, что позволяет полякам манипулировать им. Ягайло, поляки и «ягайловцы», жрецы (не простившие Кейстуту похищение Бейруты, поэтому «ягайловцы явные», по словам одного из персонажей) последовательно противопоставляются Витовту с семьей и окружением, московскому княжичу с приближенными, простому литовскому люду.

Минцлов отказывается от традиционных красок в изображении немецких рыцарей. Среди друзей и союзников Витовта – великий магистр Цольнер «с умным высоким лбом» (Минцлов 1932: 157). Крестоносцы рыцари и кнехты представлены грубоватыми и высокомерными, но не такими жестокими, алчными и коварными захватчиками, как в других русских исторических романах, повестях, поэмах. В сцене совещания высших сановников Ордена писатель прибегает к комическим эффектам («тяжко сопя согласился тучный и красный, что медный котел, голубоглазый командор, напоминавший обломок скалы с человеческими формами», Минцлов 1932: 158).

Эпизод с песней брутаников, пробуждающей в Витовте сочувствие к соплеменникам (Минцлов 1932: 181–182), представляет собой повторяющийся элемент «литовского» сюжета (см. выше о песне Славки в *Гении Мира* Кормчего). Минцлов использовал повторяющийся набор компонентов литовской экзотичности (необычные имена, язычество, особенности быта), но умереннее, чем в

своих ранних повестях и чем это делали Хрущов-Сокольников и Липкин. Традиционны для русской литературы представления о близости и родственности литовцев и русских, противопоставления Витовта и Ягайлы, литовцев и поляков. В целом *Орлиный взлет* следует традициям исторического романа и изображения литовской истории в русской литературе. Исторические конфликты и потребности (в частности, неизбежность крещения и союза с Польшей) подменяются взаимной враждой литовцев и поляков, дурным характером Ягайлы и необъяснимой любовью народа к Витовту. Редукция собственно исторической проблематики повлекла неясности в изображении деятельности главного героя, а читатель не получил ответа на вопросы, какие действия предпринял Витовт для своего успеха, в чем смысл его союза с немцами и что дал «орлиный взлет» великого князя Литве и литовцам (подробнее: Лавриненц 2011a: 15).

СООТВЕТСТВИЕ ЛИТОВСКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ДИСКУРСУ

Изображение древней Литвы в произведениях русских писателей моделировали позитивное отношение к стране, ее прошлому и его народу. С другой стороны, в межвоенной Литве романтический миф «славной старины» („garbinga senovė“, по известной формуле В. Миколайтиса-Путинаса) с идеализированными образами ВКЛ лег в основу идеологии, объединяющей обретшую государственность нацию. Миф поддерживался художественной литературой; оригинальные и переводные произведения на темы средневековой литовской истории пользовались особым вниманием и спросом (Viliūnas 1992: 53–54). Среди них – драма *Скирмунда* О. Плейрите-Пуйдене по роману Хрущова-Сокольникова (1921), ее же адаптированный перевод романа (1922), повесть Ю. Сужеделиса *Жальгирис* по тому же роману Хрущова-Сокольникова (Sužiedėlis 1930), перевод М. Густайтиса на литовский язык драмы Навроцкого (Navrockij 1927), переводы повестей Минцлова *В лесах Литвы* (Minclovas 1929; 2-е издание Minclovas 1935) и *На крестах* (Minclovas 1930), также повести *Беглецы* (Minclovas 1933).

Переводы говорят о том, что образ древней Литвы в произведениях русских писателей в целом соответствовал доминирующему историческому дискурсу. В частности, в доброжелательных рецензиях на переводы повестей Минцлова отмечалось, что они написаны с большой любовью и пониманием древней Литвы и литовцев, не задевают патриотических чувств и должны обратить на себя внимание литовцев, интересующихся своим прошлым (Kamantauskas 1929: 199;

А. S. 1930: 33–35). Новые произведения, созданные в межвоенные годы, конструировали образы средневековой Литвы и литовцев с использованием традиционных для этой тематики средств. Поэтому и они незамедлительно появлялись в литовских переводах в сопровождении одобрительных отзывах в литовской печати о творчестве Бальмонта, Минцлова, Шкляра.

Стихотворения Бальмонта, связанные с Вильнюсским вопросом, по тематике и настрою полностью совпадают с аналогичной литовской поэзией, как показала И. Видугирите (2011). На литовский язык переводилось множество стихотворений (и статей) Бальмонта (см. Sakalavičiūtė 2011). Правда, из переведенных в межвоенный период только в стихотворении «Польскому поэту Яну Лехоню» (перевод Л. Гиры) обнаруживается апелляция к истории ВКЛ с упоминаниями Гедимина, Витольда, изменника Ягелло. Переводы Л. Гиры стихов Шкляра на темы литовской истории печатались, начиная с 1928 г.; в 1931 г. вышла книга таких стихов и поэмы *Летува золотая имя* в переводах Гиры и П. Лауринайтиса (Лавринец 2008а: 219–220, 275–277). *Гений Мира* Кормчего в 1931 г. в литовском переводе был выпущен издательством Бутлера едва ли не одновременно с русским изданием (Kormčij 1931); перевод *Орлиного взлета* (Minclovas 1932) вышел раньше, чем оригинал.

Симптоматично, что ряд этих переводов был переиздан в 1991–1995 гг. (Kormčis 1991; Minclovas 1991; два разных издания романа Хрущова-Сокольников: Chruščiovas-Sokolnikovas 1992a, Chruščiovas-Sokolnikovas 1992b; Minclovas 1991), когда восстановление литовской государственности актуализировало довоенный исторический дискурс.

ИСТОЧНИКИ

- Бальмонт К., 1924. Слово Литвы о любви. *Балтийский Альманах*. Аргус. № 4, 9–11.
- Бальмонт К., 1931. *Северное Сияние. Стихи о Литве и Руси*. Париж: Родник.
- Бутлер В., 1932. С. Р. Минцлов в Литве. *Литовский курьер*. № 73, 21 июня, 2.
- [Бутлер В. Ф.] 1931. От издателя. *Ип: Кормчий Л. Гений Мира. Роман-легенда*. Рига: «Школа жизни В. Ф. Бутлера», [4–5].
- Коринфский А., 1912. *Поздние огни. Новые стихотворения. 1908–1911*. Санкт-Петербург: Изд. А. А. Филиппова.
- Кормчий Л., 1909. На Вилии. *Всходы*. № 2, 81–86.
- Кормчий Л., 1931. *Гений Мира. Роман-легенда*. Рига: Издательство «Школа жизни» В. Ф. Бутлера.
- Липкин М., 1905. *Ягайло. Историческая поэма из времен XIV столетия*. Вильна: Тип. Д. Новогрудского.
- Минцлов С. Р., 1911. *Литва. Исторические повести с иллюстрациями*. Санкт-Петербург: К. Н. Кособрохова.
- Минцлов С. Р., 1927. *Лесная быль. Исторический роман*. Рига: М. Дидковский.

- Минцлов С. Р., 1931. *Мистические вечера (Записки общества любителей осенней непогоды)*. С критико-библиографическим очерком П. Пильского. Рига: Тип. Э. Левин.
- Минцлов С. Р., 1932. *Орлиный взлет. Исторический роман*. Рига: Тип. „Star“.
- [Минцлов С. Р.] 1913. Родословная. *Ип: Книгохранилище Сергея Рудольфовича Минцлова*. Санкт-Петербург: Тип. Л. Я. Ганзбурга, V–VI.
- [Навроцкий А. А.] Н. А. Вроцкий, 1902. *Крещение Литвы, эпизодическая драма в 5-ти действиях и 6-ти картинах, в стихах*. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°.
- [Пильский П. М.] П. П., 1933а. Жизнь С. Р. Минцлова. 1870–1933. *Сегодня*. № 350, 19 декабря, 3.
- Пильский П., 1933б. Минцлов-беллетрист. *Сегодня*. № 351, 20 декабря, 2.
- У С. Р. Минцлова в Бирштанах. Беседа для «Литовского Курьера», 1932. *Литовский курьер*. № 67, 14 июня, 2.
- Хрущов-Сокольников Г. А., 1910. *Грюнвальдский бой или Славяне и немцы. Исторический роман-хроника*. Санкт-Петербург: Типо-литография Т-ва «Свет».
- Шкляр Е., 1921. Литве. *Вольная Литвы*. № 2, 7 июня (25.V).
- Шкляр Е., 1927. *Летува золотое имя. Книга стихов шестая*. Paris: Новый Прометей.
- A. S., 1930. [rec.:] S. Minclovas. „Lietuvos giriose“ I dalis. Vertė A. ir S. Tarvydai. „Dirvos“ b-vės leidinys. Kaunas – Marijampolė 1929 m. ir to paties autoriaus „Lietuvos giriose“ (Nukryžiuotieji) II dalis. Vertė Pranas Šileika. „Dirvos“ b-vės leidinys. Kaunas – Marijampolė 1930 m. *Sėjos baras*. Nr. 2, 33–35.
- Chruščiovas-Sokolnikovas G., 1992a. *Griunvaldas: istorinis romanas*. G. Chruščiovo-Sokolnikovo romano, išversto O. Pleirytės-Puidienės, naujas leidimas. Parengė ir redagavo V. Kažukauskas. 2 d. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjunga.
- Chruščiovas-Sokolnikovas G., 1992b. *Grunvaldas. Dviejų dalių istorinis romanas*. Iš rusų k. laisvai vertė O. Pleirytė-Puidienė. 2-asis leidimas. Vilnius: Mintis.
- Chruščiovas-Sokolnikovas G., 1922. *Grunvaldas. Istorinio romano laisvas, jaunimui pritaikytas, vertimas*. Vertė O. Pleirytė-Puidienė. Kaunas: „Aušros“ knygynas, Guido Hakelbeilis, A. B. Berlyne.
- Išspręstas V. D. komiteto literatūros konkursas, 1932. *Lietuvos aidas*. Nr. 69 (1444), kovo 29 d., 6.
- Kamantauskas V., 1929. [rec.:] S. Minclovas. *Lietuvos Giriose*. Vertė A. Tarvydas ir S. Tarvydas. „Dirvos“ bendrovės leidinys. Kaunas – Marijampolė, 1929 m. 170 pusl. Kaina 2 lt. 75 ct. *Židinys*. Nr. 8–9, 198–199.
- Keliuotis J., 1932. Vytauto Didžiojo vardu paženklinta literatūra. *Naujoji Romuva*. Nr. 34-35 (86-87), rugpjūčio 28, 721–725; nr. 36 (88), rugsėjo 4 d., 760–763.
- Kormčij L., 1931. *Taikos dvasia: romanas-legenda*. Laisvai išvertė J. Talmantas. Ryga: Vlado Butlerio „Gyvenimo mokykla“, Kaunas: Typolit.
- Kormčis L., 1991. *Taikos dvasia: romanas legenda*. Vertė J. Talmantas. 2-asis leid. Kaunas: Varpas (Nuotykių biblioteka).
- Merkelis A., 1932. [rec.:] S. Minclovas. *Daina apie sakalą*. Vytauto Didžiojo laikų istorinis romanas. Vytauto Didžiojo Komiteto literatūros konkurso nutarimu šis veikalas pripažintas spausdintinu Komiteto lėšomis. Vytauto Didžiojo Komiteto leidinys. Kaunas, 1932 m. 209 pusl. 14×21 cm.; 3.000+25 egz.; Kaina 3 lt. *Lietuvos aidas*. Nr. 198 (1573), rugsėjo 1 d., 3–4.
- Minclovas S., 1929. *Lietuvos giriose*. Vertė A. Tarvydas ir S. Tarvydas. Marijampolė: Dirva.
- Minclovas S., 1930. *Lietuvos giriose: Nukryžiuotieji*. Vertė P. Šileika. Marijampolė: Dirva.
- Minclovas S., 1932. *Daina apie sakalą. Vytauto Didžiojo laikų istorinis romanas*. Vytauto Didžiojo Komiteto literatūros konkurso nutarimu šis veikalas pripažintas spausdintinu Komiteto lėšomis. Kaunas, Vytauto Didžiojo Komiteto leidinys.

- Minclovas S. R., 1933. *Pabėgėliai: autobijografiški nuotyčiai*. Vertė A. Tarvydas. Marijampolė: Dirva.
- Minclovas S., 1935. *Lietuvos giriose*. Vertė A. Tarvydas ir S. Tarvydas. 2-asis leid. Kaunas – Marijampolė: Dirva.
- Minclovas S., 1991. *Daina apie sakalą: Vytauto Didžiojo laikų istorinis romanas*. 1932 m. laidos fotokopija. Kaunas: Victoria.
- Minclovas S., 1995. *Lietuvos giriose: istorinis romanas*. Vertė A. Tarvydas, S. Tarvydas, P. Šileika. 2-asis leid. Kaunas: Sp. „Spindulys“.
- Navrockij A. A., 1927. *Lietuvos Krikštas. Eilėtinė penkių veiksmų drama*. M. Gustaičio vertimas iš rusų kalbos. Kaunas – Marijampolė: Dirva.
- [Paleckis J.] J. P., 1930. Pas rašytoją R. S. Minclovą. *Diena*. Nr. 23 (96), birželio 15 d., 5.
- Pleirytė-Puidienė O., 1921 Skirmunda. Penkių veiksmų istorijos drama iš G. A. Chruščiovo-Sokolnikovo istorinio romano chronikos „Grünvaldo kova“. *Skaitymai*. Kn. 3, 20–49.
- Senkus J., 1929. [rec.] S. Minclovas. *Lietuvos Giriose*. Vertė A. Tarvydas ir S. Tarvydas. „Dirvos“ B-vės leid. Kaunas – Marijampolė, 1929 m. Kaina kietais viršeliais 3 lt. *Ateitis*. Nr. 12, 538–539.
- Škliaras E., 1931. *Lietuva auksinis vardas: VI eilėraščių rinkinys*. Su L. Giros įžangos žodžiu. Vertė P. Laurinaitis. Kaunas: Spaudos fondas.
- [Škliaras E.] E. Š., 1930. Su S. Minclovu ir Gira po Užnemunę (Pastabos ir įspūdžiai). *Sekmadienis*. Nr. 23 (118), birželio 8 d., 4.
- Sužiedėlis J., 1930. *Žalgiris. Istorijos apysaka iš Vytauto Didžiojo laikų*. Pagal Chruščovo-Sokolnikovo romaną. Redagavo L. Gira. Kaunas: Pažangos b-vė, Zavišos ir Steponavičienės spaustuvė (Ūkininko skaitymai).
- Vytauto Didžiojo literatūrinio konkurso daviniai, 1932. *Naujoji Romuva*. Nr. 15 (67), balandžio 10 d., 356.

ЛИТЕРАТУРА

- Абызов Ю. И., 2006. *А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк*. Москва: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь.
- Абызов Ю., Тименчик Р., 1990. История одной мистификации: Факты и гипотезы. *Даугава*. № 9, 108–116.
- Бадин Ж., 2008. Авантюрная Рига в романах П. Чунчина. In: *Rīgas teksts. Rижский текст. Сб. научных материалов и статей*. Рига: Latvijas Universitāte, 90–99.
- Видутирите И., 2011. «Вильна» Константина Бальмонта: русский голос в вильнюсском тексте литовской литературы. *Literatūra* 53 (2): *Rusistica Vilnensis*, 17–25.
- Лавринец П., 1999. *Русская литература Литвы. XIX – первая половина XX века*. Вильнюс: Вильнюсский университет.
- Лавринец П., 2003. *Licentiae biographicae*: Биографические мистификации Евгения Шкляра. I. *Literatūra* 45 (2): *Rusistica Vilnensis*, 17–27.
- Лавринец П., 2008а. Евгений Шкляр: жизненный путь скитальца. *Монография*, Вильнюс: Издательство Вильнюсского университета.
- Лавринец П., 2008б. «С медвежьей кожей на плечах»: литовец в русской литературе. *Acta litteraria comparativa* 3: *Barbaras Europos literatūroje ir kultūroje = Barbarian in European Literature and Culture*, 159–172.
- Лавринец П., 2008в. Средневековая Литва в романе Г. А. Хрущова-Сокольниковы Грюнвальдский бой. In: *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija* nr. 6 (1): *Mokslinių straipsnių*

- rinkinys skirtas prof. Jurijaus Novikovo septyniasdešimtmečiui*. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 107–113.
- Лавринец П., 2009a. *Грюнвальдский бой* Г. А. Хрущова-Сокольниковой и Альф и Альдона Н. В. Кукольника. *Славянские чтения VII*, 59–72.
- Лавринец П., 2009b. Литва в русской литературе конца XIX – начала XX вв. *Literatūra* 51 (2): *Rusistica Vilnensis*, 61–71.
- Лавринец П., 2011a. Литва и литовцы в романе С. Р. Минцлова *Орлиный взлет*. *Literatūra*, 53 (2): *Rusistica Vilnensis*, 7–16.
- Лавринец П., 2011b. Литовцы в русской литературе XIX – начала XX века. In: *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia*. XII: Мифология культурного пространства. К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 384–400.
- Лавринец П., 2012. В. Бутлер, Л. Кормчий и Литва. In: Kursite, J., sast. *Inkluzīvi*. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 126–134.
- [Мержвинский Б.], 1998. Владас Бутлерис. In: Ивинский П. [et al.], sud. *Русская литература в Литве: XIV–XX вв. Хрестоматия*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla.
- Мержвинский Б., 1991. Ю. Балтрушайтис и К. Бальмонт (Из истории русского символизма). *Literatūra* 33 (2): *Русская литература*, 3–11.
- Перов О., 2008. Культурные мотивы и исторические образы Литвы в поэзии К. Бальмонта. *Meninis tekstas: Suvokimas. Analizė. Interpretacija* nr. 6 (1): *Mokslinių straipsnių rinkinys skirtas prof. Jurijaus Novikovo septyniasdešimtmečiui*. Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 158–162.
- Ракитянский А., 2003. Вспоминая С. Р. Минцлова. In: *Рижский библиофил*. Рига: Библиофил & Коллекционер Анатолий Ракитянский, 25–29.
- Ракитянский А., 2004. Сергей Рудольфович Минцлов. In: Видякина С., Ковальчук С., сост. *Покровское кладбище. Слава и забвение: Сб. статей*. Рига: Multicentrs, 222–223.
- Сидеравичюс Р., 1983. Литва и русский романтизм. *Литва литературная*. № 5, 147–160.
- Сидеравичюс Р., 1994. *Грюнвальдский бой* и его автор. *Вильнюс*. № 4, 18–23.
- Сидеравичюс Р., 1998. Русская литература в Литве и о Литве (= Rusų literatūra Lietuvoje ir apie Lietuvą). In: Ивинский П. [et al.], sud. *Русская литература в Литве: XIV–XX вв. Хрестоматия*. Vilnius: Lietuvos rašytojų sąjungos leidykla, 159–166.
- Тамарович Н., 2005. С. Минцлов и Балтия: заметки к теме. In: Завьялова, М. В. и др., ред. *Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст*. Санкт-Петербург: Наука, 384–394.
- Фейгмане Т., 2000. *Русские в довоенной Латвии. На пути к интеграции*. Рига: Балтийский русский институт.
- Хеллман Б., 2013. Детская литература как оружие: творческий путь Л. Комчого. In: Балина М. Р., Вьюгин В. Ю., сост. и ред. «Убить Чарскую...» *Парадоксы советской литературы для детей 1920-е – 1930-е гг.* Санкт-Петербург: Алетейя, 20–45.
- Glinskis R., 2001. Butleris Vladas. In: *Lietuvių literatūros enciklopedija*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas, 87–88.
- Mačiulis D., 2001. Vytauto Didžiojo metų (1930) kampanijos prasmė. *Lituanistica*. Nr. 2 (46), 54–75.
- Sakalavičiūtė K., 2011. *Konstantinas Balmontas ir Lietuva. Poezijos vertimų studijos*. Vilnius: Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas.
- Vidugirytė I., 2005. *Baldomonto Lietuva. Kultūrų dialogo interpretacija*. Kaunas: Santara.
- Viliūnas G., 1990. Vytauto Didžiojo kultas tarpukario Lietuvoje. In: Sirutavičius V., Staliūnas D., sud. *Lietuvių Atgimimo istorijos studijos*. T. 17: *Nacionalizmas ir emocijos (Lietuva ir Lenkija XIX–XX a.)*. Vilnius: Kultūros ir teatro susivienijimas „Sietynas“, 68–102.
- Viliūnas G., 1992. *Lietuvių istorinis romanas*. Vilnius: Mokslas (*Literatūra* 33 (1)).